

МЕМОУАРЫ

П. П. Семенова-Тян-Шанского

Том IV

Эпоха освобождения крестьян в России
в воспоминаниях бывшего члена-эксперта
и заведовавшего делами Редакционных комиссий
1860–1861

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва
2018

Издание подготовлено
в рамках совместного издательского проекта
Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество»
и издательства «Кучково поле»

С30 Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович
Мемуары: в 5 тт. Т. 4. Эпоха освобождения крестьян в России в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведовавшего делами Редакционных комиссий. 1860–1861 / П. П. Семенов-Тянь-Шанский; коммент. и указ. И. Е. Дронова. — М.: Издательство «Кучково поле», 2018. — 576 с.: 32 л. ил. — (Золотой фонд Русского географического общества)

ISBN 978-5-9950-0886-6

Четвертый том мемуаров П. П. Семенова-Тянь-Шанского посвящен наиболее важному, заключительному этапу работы над Положениями о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 19 февраля 1861 г., в т. ч. дискуссиям и голосованию по вопросу окончательной редакции отдельных его пунктов. Период с февраля 1860 г. и до обнародования Манифеста 5 марта 1861 г. сопровождался серьезной борьбой между сторонниками реформы и ее противниками.

Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей России XIX–XX вв., а также историей отечественной науки.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-9950-0886-6 (т. 4)
ISBN 978-5-9950-0890-3 (общий)

© Русское географическое общество, 2018
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2018

ГЛАВА I

Неблагоприятное впечатление, произведенное назначением графа Панина на столичную интеллигенцию, и в особенности на всех сторонников освобождения крестьян. — Посещение мною великой княгини Елены Павловны для необходимых по этому поводу объяснений и благотворное ее влияние на членов Редакционных комиссий. — Первое мое свидание с графом Паниным и объяснение с ним. — Посещение мною великого князя Константина Николаевича и его взгляд на положение дела.

Назначение 12 февраля 1860 г. графа Панина председателем Редакционных комиссий, почитавшееся совершенно невероятным, произвело как в среде столичной интеллигенции, так и в среде всего русского дворянства ошеломляющее впечатление и было принято почти всеми за полную реакцию в намерениях и стремлениях царя-освободителя.

Многочисленные тайные противники освобождения крестьян очень обрадовались. Они были убеждены в том, что председательство графа Панина сознательно или бессознательно задушит в корне законопроект Редакционных комиссий, составленный под председательством Ростовцева, а так как при признаваемом всей Россией отсутствии у нового председателя не только всякого творчества, но и самого простого здравого понимания практических потребностей русских крестьян и даже русского дворянства, он не в силах будет создать никакого нового Положения об освобождении крестьян, то, следовательно, все останется по-старому, а изменено будет только название помещичьих крестьян.

Что же касается до сочувствующей освобождению крестьян столичной и помещной интеллигенции, то назначение графа Панина произвело на нее самое удручающее впечатление¹.

В Мраморном дворце некоторой компенсацией этого назначения являлся слух о назначении великого князя Константина Николаевича председателем Главного комитета, так как лица, ему преданные (как, например, А. В. Головнин, М. Х. Рейтерн, князь Д. А. Оболенский, Б. П. Мансуров

и С. А. Грейг), возлагали еще некоторые надежды на то, что великий князь употребит всевозможные усилия, чтобы охранить законопроект Редакционных комиссий от чрезмерного искажения*.

Все это глубже и сильнее сознавалось в среде Редакционных комиссий и в Михайловском дворце, где главные деятели по крестьянскому делу находили себе сильную нравственную поддержку в двух женщинах, способных, по глубине своего сочувствия великому делу освобождения русского народа и по своим высоким душевным качествам, поддержать колеблющиеся силы смелых борцов за действительную, а не фиктивную свободу народа в самые тяжелые минуты их деятельности**.

Впечатление, произведенное назначением 12 февраля 1860 г. на обычных посетителей Михайловского дворца, всего нагляднее отразилось в карикатурах того времени, принадлежавших карандашу часто посещавшего Михайловский дворец талантливого карикатуриста графа Фредро. На одной из них красивая аллегорическая фигура Фемиды держит в правой руке внушительных размеров весы правосудия, на одной чаше которых навалены все многочисленные печатные труды Редакционных комиссий, а на другую забралась скорченная, долговязая и неуклюжая фигура графа Панина, которая своим резким вторжением перетянула на свою сторону весы правосудия и разронила все сокровища, находившиеся на другой чаше. На второй карикатуре граф Панин, высвободившись из своего скорченного положения на весах Фемиды, убегает, держа под мышкой законопроект Редакционных комиссий, которым поспешил завладеть, в виду преследующих его, но остановившихся в ужасе князя Черкасского и Самарина, одетых в русские народные костюмы***.

* Все эти лица глубоко сочувствовали делу освобождения крестьян, но никто из них, кроме М. Х. Рейтерна, не принимал непосредственного участия в законодательных работах Редакционных комиссий, а потому не мог перечувствовать ужаса, испытываемого членами Редакционных комиссий при всяком искажении глубоко и всесторонне обдуманного законопроекта, в котором всякое неумелое и случайное изменение могло нанести непоправимый вред участи и будущности освобождаемых крестьян.

** Этими «нимфами-эгериями» законодателей 19 февраля 1861 г. была, разумеется, прежде всего сама великая княгиня Елена Павловна, которая была уже добрым гением императора Николая I и его сподвижника графа Киселева в их стремлении к улучшению быта русских крестьян, так же как и самого царя-освободителя в то время, когда он задумал освобождение из крепостной зависимости Богом вверенного его управлению русского народа, а за нею ее достойная наперсница, баронесса Эдита Федоровна Раден, которая, соединяя с широким, истинно мужественным умом и обширным образованием высокие и деликатные свойства женской души, умела своею искренней дружбой поддерживать всех выдающихся борцов за свободу крестьянства.

*** Опасения, возбужденные назначением графа Панина, были так велики, что одна из фрейлин великой княгини, блиставшая при ее дворе своим выдающимся светским умом и красотой, вызвалась в кругу своих друзей произвести нападение на лагерь современного Олоферна и силою

Но и самые деятельные члены Редакционных комиссий не скоро могли помириться с назначением графа Панина их председателем. Многие из членов-экспертов (князь Черкасский, Самарин, Татаринов, Тарновский, Галаган, князь Голицын), не состоявшие на государственной службе, совещались о том, не следует ли им удалиться из состава Редакционных комиссий. Из членов же от правительства, которые, как назначенные от своих министерств, являлись подневольными участниками порученных им работ, Н. А. Милютин говорил нам, что и он немедленно выйдет из состава Комиссий, если убедится, что не будет в силах отстоять законопроект, составленный Редакционными комиссиями в бытность Я. И. Ростовцева их председателем.

Ввиду возможности кризиса, угрожавшего существованию Комиссий, я около 15 февраля решился обратиться к великой княгине Елене Павловне с разъяснением. Я говорил, что, по моему глубокому убеждению, законопроект Редакционных комиссий, как окончательно и твердо ими выработанному, не грозит ожидаемая опасность; законопроект достаточно несокрушим, так как Государь, усвоив себе, при помощи предсмертной записки Ростовцева, его содержание, принял его под непосредственную свою защиту и твердо решился не допускать в нем никаких существенных изменений, да и самый выбор Государем председателя был обусловлен тем, что граф Панин, не получив полномочий на какие бы то ни было изменения законопроекта, со свойственной ему верноподданнической честностью подчинился воле царя-освободителя. Конечно, личные столкновения главных деятелей

своего обаятельного влияния заставить его отказаться от председательствования Редакционными комиссиями. Случай произвести нападение на графа Панина представился молодой баронессе Сталь очень скоро. Немедленно по своем назначении граф Панин счел долгом представиться великой княгине в новом своем звании, и, так как он принадлежал к обычным посетителям Михайловского дворца, он сделал визиты и всем четырем фрейлинам Ее Высочества. Баронесса Сталь с полной верою в то неотразимое впечатление, которое она производила на всех, и в особенности на престарелых сановников (как, например, на князя Горчакова, графа Панина, князя Долгорукова и др.), смело взялась за исполнение задуманного ею плана и с неотразимо обаятельным убеждением старалась доказать графу Панину, что он должен, из любви к отечеству и преданности своему монарху, сам отказаться от исполнения поручения, которое превосходит его силы. Но, несмотря на все свое знание человеческой души, баронесса Сталь на этот раз не имела успеха. Граф Панин в деле исполнения принятых им на себя перед Государем обязанностей оказался вполне забронированным против всякого волшебства. К чести его следует прибавить, что он остался столь же верным принятым им на себя обязательствам и в отношениях своих с другими соблазнительями, принадлежавшими к прежним его единомышленникам по крестьянскому делу и противникам освобождения крестьян, которые употребили все усилия для того, чтобы сокрушить, рассчитывая на его помощь, законопроект, составленный Редакционными комиссиями во время председательствования Ростовцева и порученный царем-освободителем охране нового председателя.

по крестьянскому делу с графом Паниным во время его председательствования неизбежны, но здесь влияние великой княгини на преданных ей членов Редакционных комиссий, да и на самого графа Панина может в значительной мере смягчить предстоящее столкновение.

После продолжительного разговора со мною великая княгиня со свойственной ей живостью переменяла совершенно свой взгляд на положение дела и сослужила ему великую службу, убедив Н. А. Милютина, при помощи обладавшего истинно государственным умом своего гофмейстера А. А. Абазы (бывшего шурином Милютина), в том, что при сообщенных мною условиях, на которых Государь назначил графа Панина председателем Комиссий, неприкосновенность законопроекта, нами составленного, была обеспечена даже более, чем при каком бы то ни было другом председателе, и что, в сущности, окончательное составление этого законопроекта передано в твердые руки самого Н. А. Милютина, от таланта которого вполне зависит удержать в большинстве членов Комиссий непоколебимость их убеждений.

Великой княгине вполне удалось вдохнуть в душу нашего главного лидера, около которого мы еще единодушнее сгруппировались по смерти Ростовцева, новые силы и, что еще важнее, ту теплую веру в наше общее великое дело, которой подчас недоставало Милютину.

Не менее благотворное влияние имела на членов — экспертов Редакционных комиссий (Самарина, князя Черкасского, Галагана и др.) баронесса Э. Ф. Раден, которой удалось передать им до некоторой степени мое крайне оптимистическое убеждение в счастливом исходе великого дела, для достижения которого прежде всего необходимо было иметь в него твердую веру. Э. Ф. со свойственным ей одушевлением говорила, что она твердо убеждена, что ни один из доблестных борцов за освобождение крестьян не сложит своего оружия до тех пор, пока выработанный ими законопроект не обратится в закон, утвержденный царем-освободителем.

Уже на второй день после своего назначения, а именно 13 февраля 1860 г., граф Панин пригласил меня к себе учтивой запискою в третьем лице в свой дом на Караванной улице к 9 часам утра.

Принял он меня с предупредительной вежливостью и с заметным благожелательством не в приемной, а в особой комнате, служившей ему, по-видимому, уединенным кабинетом для личных занятий и интимных приемов. Для моего приема у небольшого письменного стола, почти посреди комнаты, были поставлены два одинаковых стула. На одном из них, после ухода введшего меня в эту таинственную комнату камердинера, тщательно

закрывшего за собою дверь, расположился граф Панин, а на другой пригласил сесть меня. Очевидно, наше свидание должно было остаться для всех глубокой тайною.

Граф Панин сообщил мне, что желал меня видеть отдельно и прежде других членов Редакционных комиссий и что он обращается ко мне с просьбой сообщить ему в кратких словах всю сущность крестьянского дела в современном его положении и взгляды на него покойного Ростовцева в последний период его жизни.

Желая хоть сколько-нибудь отозваться на трудную и столь непрактично предложенную мне задачу, я прежде всего просил снисхождения графа Панина в том, что отвечу в возможно кратких словах на поставленный мне вопрос, отвечу, может быть, и неумело, но с тем же чистосердечием, которое так тесно сблизило меня с покойным Ростовцевым.

Мое изложение современной истории крестьянского дела началось с утверждения, что решимость освободить крестьян от крепостной зависимости зародилась в душе Государя по собственной его инициативе в то время, когда шли переговоры о мире в 1856 г. С Ростовцевым, как с близким ему человеком еще в бытность Государя наследником престола, он сблизился в этом деле еще и потому, что нашел в нем не только глубокое сочувствие его намерению, но и готовность всеми силами содействовать осуществлению великой задачи.

Результатом сближения Государя с Ростовцевым было то, что уже в 1859 г. Государь пришел к убеждению в недостаточности только личного освобождения крестьян от крепостной зависимости, давно обратившейся в полное невольничество. Он понял, что освобождение крестьян было неразрывно связано с установлением раз навсегда закономерных аграрных отношений между крестьянами и бывшими их помещиками, имевшими права собственности не только на земли своих поместий, но и на личность крепких этим землям крестьян. По мнению Ростовцева, усвоенному Государем, дарование крестьянам, по его выражению, «птичьей», т. е. безземельной, свободы было невозможным делом, и необходимость при освобождении крестьян обеспечить их быт и возможность исполнять свои повинности перед помещиками и правительством достаточным наделом земли была очевидна.

Для определения условий такого земельного освобождения крестьян и вообще для установления аграрных отношений освобожденных крестьян к бывшим помещикам были созданы в каждой губернии дворянские коми-

теты, составленные из дворян-помещиков по выбору их сословия. Конечно, тут не могло быть и речи о призвании в эти дворянские комитеты каких бы то ни было представителей интересов бесправного крестьянского сословия. Когда же возник вопрос о том, на кого может быть возложено составление на основании выработанных губернскими комитетами разнообразных и нередко одно другому противоречащих «Положений об устройстве быта помещичьих крестьян в их губерниях» одного общего для целой империи законопроекта об их освобождении, Государю угодно было, согласно представлению министра внутренних дел, поручить это трудное дело особой Редакционной комиссии. Комиссия эта, председателем которой Государь, не колеблясь, назначил Я. И. Ростовцева, должна была состоять наполовину из членов от подлежащих шести министерств и главных управлений и наполовину из членов-экспертов, приглашенных из разных местностей империи по выбору Я. И. Ростовцева от имени и с утверждения самого Государя императора. Лицами этими должны были быть люди, известные своим знанием крестьянского быта и существующих аграрных отношений между помещиками и крестьянами, преимущественно дворяне-помещики, управлявшие довольно продолжительное время своими имениями, глубоко сочувствовавшие делу освобождения крестьян и по возможности участвовавшие в работах губернских комитетов.

Собранная таким образом Комиссия начала свои занятия с 4 марта 1859 г. под председательством Я. И. Ростовцева и после неустанной 11-месячной работы как в отделениях, так и в общем собрании разработала все аграрные вопросы, относящиеся к устройству быта освобождаемых крестьян, и составила вчерне почти все части порученного ей законопроекта.

Принимая за основание, согласно воле Государя, земельное, а не безземельное освобождение крестьян, Редакционные комиссии разрешили вопрос о наделении крестьян достаточным количеством земли для обеспечения их быта и исполнения ими помещичьих и государственных повинностей оставлением за ними по возможности существовавших еще при крепостном праве наделов земли и предоставлением им этих наделов в собственность путем выкупа их у помещиков при содействии правительства. Вся разработка законопроекта происходила на глазах самого Государя, так как все доклады отделений, по утверждению их заключений общим собранием, печатались и представлялись Государю. Таким образом, он мог постепенно следить за работами Комиссий и нередко требовал от Ростовцева разъяснений и сообщал ему при его докладах свои указания.

Перед кончиною Ростовцев счел долгом изложить в своей записке, в виде результата работ Комиссий, свое окончательное мнение об устройстве быта крестьян, выходящих из крепостной зависимости, и Государю угодно было выразить, что он считает предсмертную записку Ростовцева как бы его политическим завещанием и не допустит никаких существенных изменений в изложенных в ней основаниях разрешения вопросов, относящихся до аграрных отношений между помещиками и крестьянами.

Затем, высказав все вышеизложенное, я сообщил еще графу Панину основные черты записки Ростовцева, которая уже была в его руках, но которую он еще не успел усвоить.

Когда я окончил, граф Панин спросил меня, не указывал ли Ростовцев на кого-либо как на преемника себе и какое он вообще имел мнение об отношениях высших государственных сановников к крестьянскому делу. Я ответил ему, что Ростовцев, предвидя свою кончину и относясь к ней с величайшим спокойствием и без всякого страха, беспрестанно озабочивался вопросом о своем преемнике и перебирал всех высокопоставленных в служебной иерархии лиц, обсуждая их настоящее и возможное будущее отношение к крестьянскому делу, но всегда приходил к отрицательным результатам и решительно ни на ком не остановился.

Граф Панин передал мне, что Государь, давая ему необходимые указания по возложенному на него столь важному делу, поручил ему между прочим сблизиться со мною, а так как всякое сближение должно начаться с полной откровенности, путем которой мы только и можем достигнуть того, чтобы, как он выразился, *qu'il n'y ait pas de glace entre nous**, то он просит меня начать мою откровенность сообщением ему в подробности всего того, что думал Ростовцев о нем и об его отношении к крестьянскому делу.

Я выразил графу полную готовность пойти навстречу высказанному им желанию, но сказал, что нахожу при исполнении этого желания некоторое затруднение. Затруднение это состоит в том, что Ростовцев, будучи со мной в близких отношениях, не скрывал от меня ничего, даже мимолетных впечатлений, и потому я затрудняюсь передавать графу такие отзывы, о которых сам Ростовцев при своей жизни не желал бы, чтобы они дошли до графа. Передавать же неверно я считаю противным своей совести.

Граф Панин, однако же, продолжал настаивать на передаче ему мнения о нем Ростовцева в полноте и подробностях.

* Растопить лед между нами (фр.). — Примеч. ред.

Наконец я сказал ему, что в таком случае мне остается только оправдать его доверие полнейшей откровенностью, и начал прямо с того, что Ростовцев никогда не указывал на графа как на возможного ему преемника по председательствованию в Редакционных комиссиях отчасти потому, что считал его по характеру и складу мыслей мало сочувствующим делу освобождения крестьян, а отчасти и потому, что Ростовцев не мог представить себе графа Панина, столь недоступного и нелюдимого, столь мало уважающего мнения людей, стоящих ниже его по общественному своему положению, в роли руководителя работ целой коллегии людей, совершенно от него независимых и призванных к участию в великом деле по доверию самого Государя. Когда же Ростовцев обсуждал ожидаемую им деятельность графа как государственного человека в роли члена Главного комитета, то он высказывал решительную уверенность, что граф Виктор Никитич не только не будет, как полагали другие, противником, но, наоборот, сделается сторонником составленного на глазах самого Государя и согласно его воле законопроекта об освобождении крестьян, потому что он считал графа человеком высокой чести, глубоко преданным своему отечеству и Государю и готовым жертвовать воле его не только своими интересами, но и принципиально своими личными убеждениями. При том же, будучи крупным и великодушным помещиком, граф Виктор Никитич, по мнению Ростовцева, не задумался бы принести на пользу отечества крупные материальные жертвы, памятуя, что *noblesse oblige**, и, конечно, не стоял бы за мелкие меркантильные интересы, руководившие мнениями некоторых депутатов и даже целых губернских комитетов. Ростовцев был твердо уверен даже и в том, что, если бы в силу как принципиальной, так и личной преданности своему монарху граф принял на себя какие бы то ни было обязательства по отношению к ходу дела в Главном комитете, согласно воле Государя, то он исполнил бы их свято и нерушимо.

Что же касается до непосредственного участия графа в основных работах по составлению законопроекта об освобождении крестьян, то Ростовцев, отдавая полную справедливость высокому образованию и многим блестящим дарованиям графа, не признавал этого участия полезным, потому что считал графа Панина человеком крайне непрактичным и совершенно незнакомым с бытом не только русского народа, но и поместного дворянства. Эта непрактичность и незнакомство зависели, по мнению Ростовцева, от той недоступности графа и того постоянного нахождения в искус-

* Благородное происхождение обязывает (*фр.*).

ственно замкнутой сфере, которая препятствовала его общению с живыми людьми и с явлениями народной жизни в России и вынудила немногих окружающих его, даже умных и честных людей, утратить, по крайней мере в своих сношениях с ним, не только всякую свободу мнений, но даже до некоторой степени и чувство человеческого достоинства. Благодаря этому граф, по мнению Ростовцева, являлся как бы отрезанным от всякого общения с большинством интеллигентных сил России и остался чуждым ее общественному духовному развитию, так что все его прирожденные дарования и достоинства не находили достаточного применения.

Когда я окончил, наступило несколько минут полного молчания. Граф Панин был, видимо, поражен моим сообщением, в котором не было никаких прикрас. Ему, очевидно, привелось в первый раз в своей жизни слышать свою характеристику, сделанную человеком проницательного ума, совершенно от него независимым и столь знакомым с тою средой высшей служебной иерархии, в которой происходила многолетняя деятельность как самого Ростовцева, так и графа Панина. Собравшись, наконец, с мыслями, граф Панин высказал мне, что он и сам, может быть, подал повод к такому о себе мнению, что он не может дать себе отчета, как и когда это случилось, но вспоминает, что удаление его от людей произошло постепенно и незаметно и обуславливалось тем, что он после долговременного пребывания за границей никогда не был поставлен судьбою или родом своих занятий и обязанностей в такое положение, в котором он нуждался бы в живом общении с людьми, от него не зависящими. Ныне эта потребность приходит внезапно и в первый раз в его жизни. Он вполне сознает, что предстоящее ему дело такого свойства, что для него «нужен свет со всех сторон», употребит все усилия, чтобы в этом отношении уничтожить всякие против него предубеждения, и надеется, что члены Редакционных комиссий будут им довольны.

Затем граф Панин поблагодарил меня за то, что я понял его, ответив на его вопросы с полной откровенностью, и сказал, что считает долгом ответить мне такую же откровенностью, сообщив мне о тех условиях, которые были поставлены ему Государем при его назначении и на которых он добровольно и сознательно принял на себя трудное для него дело председательствования Комиссиями в то время, когда уже законопроект об освобождении крестьян был ими почти окончательно выработан под председательством человека, столь близко знакомого с намерениями Государя и пользовавшегося его полнейшим доверием. Сделав мне это сообщение,

ГЛАВА XXVI

Дальнейший ход крестьянского дела в Государственном совете после исторического заседания 28 января 1861 г. Положение, занятое при обсуждении законопроекта в 11 заседаниях (от 28 января по 17 февраля) председателями: Государственного совета — графом Д. Н. Блудовым, Главного комитета — великим князем Константином Николаевичем и бывшим председателем Редакционных комиссий графом В. Н. Паниным. Разногласия, происшедшие в заседаниях 30 января и 1 февраля при рассмотрении 20 статей Общего положения.

После исторического заседания 28 января 1861 г. под председательством самого Государя работы Государственного совета начали входить в свою обычную колею. С 30 января председательское место занял председатель Государственного совета граф Д. Н. Блудов, а направо от него поместился председатель Главного комитета великий князь Константин Николаевич. Оба они, действуя с полным единодушием в пользу законопроекта, служили несокрушимым стягом, около которого группировались не только большинство Главного комитета, но и те 9 выше охарактеризованных членов Государственного совета, которые являлись более или менее постоянными сторонниками законопроекта. Могущественную и нелицемерную поддержку законопроекту оказывал и бывший председатель Редакционных комиссий граф Панин во всех тех вопросах, по которым он не заявил заранее своего несогласия. Наконец, под этот стяг становились нередко и те члены, которые занимали вообще колеблющееся положение, примыкая то к противникам, то к сторонникам законопроекта, убеждаясь всегда основательными и беспристрастными доводами последних. Всех заседаний общего собрания Государственного совета, окончательно разрешивших судьбу русского народа, было 11 (28 и 30 января, 1, 3, 4, 6, 7, 9, 11, 13 и 17 февраля). Докладчиками на этих заседаниях были: В. П. Бутков и его заместители и ближайшие помощники, статс-секретари С. М. Жуковский и А. П. Заблоцкий-Десятовский, бывшие члены Редакционных комиссий. Они же составляли и умело

редактированные журналы этих заседаний, при помощи помощника статс-секретаря, также бывшего члена Редакционных комиссий К. И. Домонтовича. Я же был на все это время (на 21 день) прикомандирован к председателю Государственного совета с целью помогать ему в обстоятельном его приготовлении к каждому из 11 заседаний общего собрания. Роль престарелого председателя была, конечно, нелегкая. Прежде всего он должен был вполне ознакомиться с той частью законопроекта, которая подлежала обсуждению в каждом председательствуемом им заседании, и в особенности с тем, что, представляя суть дела, не могло подлежать изменению без ущерба для будущего благосостояния освобождаемых крестьян; затем он должен был знать наперед те возражения и предложения, которых можно было ожидать от постоянных противников законопроекта, и усвоить себе те доводы, которые могли служить к опровержению или непринятию их возражений.

С 27 января по 17 февраля я должен был являться к Блудову почти ежедневно, то по вечерам накануне заседания, то по утрам — часа за три до заседания. Перед началом наших сеансов и также по окончании их меня особенно приветливо встречала графиня Антонина Дмитриевна Блудова, которая сама готова была отдать душу на любимое дело освобождения крестьян и живо интересовалась всеми перипетиями, к счастью, мирной борьбы, происходившей в это время во всех концах России. Но при всем тождестве наших взглядов на главные стороны одинаково дорогого нам вопроса и расположении ко мне графини Блудовой между нами ежедневно происходили горячие споры. Графиня уверяла, что не находит другого способа прекратить наши разномыслия, как набрать себе в рот воды, чтобы не быть вовлеченною в нежелательный для нас обоих пререкания. На это я отвечал, что считаю такой способ для меня рискованным, так как она этой воды не удержит, а обратит ее в опасный для меня фонтан. Она же прозвала меня Пигмалионом⁶² Редакционных комиссий, влюбившимся в свое собственное произведение. На это я возражал, что Галатея, о которой она говорит, есть свобода русского народа. Великим художником, ее задумавшим, является сам царь-освободитель, а на исполнение ее он призвал целую плеяду лучших людей русской земли, я же действительно влюбился в эту Галатею, потому что ранее многих других из ее работников заметил, что она начинает оживать и превращаться в одушевленное, и притом уже бессмертное существо, созданное русским гением.

Разномыслия и споры, между нами происходившие, объяснялись ее желанием ввести в наш законопроект некоторые поправки, навеянные ей ее

друзьями, московскими славянофилами, которые, глубоко сочувствуя делу освобождения крестьян, играли в нем роль «крайних левых», между тем как «крайними правыми» были те враги законопроекта, которые до конца происходившей борьбы еще не теряли надежды сокрушить его.

С самим графом Блудовым у меня не происходило никаких споров, несмотря на то что он откровенно выражал некоторые сомнения, возбуждаемые в нем теми или другими статьями законопроекта. Сомнения эти также были навеяны ему лицами, принадлежавшими к Московскому славянофильскому кружку, которому он всегда сочувствовал⁶³. Но он всегда довольствовался моим объяснением причин, по которым Редакционные комиссии пришли к убеждению решить данный вопрос в той именно форме, в которой он был введен в законопроект. Как истинно государственный человек, он принял за правило всегда стоять за неизменность законопроекта, даже и в тех случаях, когда способ решения того или другого вопроса не вполне соответствовал его взглядам. Он признавал, что лучше допустить в законе некоторые несовершенства, чем затормозить весь ход важнейшего государственного дела, разрешение которого вызывалось самыми неотложными потребностями русского народа. Такое отношение графа Блудова к рассматриваемому законопроекту чрезвычайно способствовало прохождению его через высшую законодательную инстанцию почти без всяких изменений, в чем мне пришлось убедиться в 11 заседаниях Государственного совета. Я присутствовал на них с разрешения государственного секретаря, в скромном уголку залы собрания Государственного совета, при неперменном условии сохранения в глубокой тайне того, что происходило на этих заседаниях. Не вынося «сора из избы», я не решился сообщать о происходившем не только кому-либо из дорогих моих коллег, но даже великой княгине Елене Павловне, постоянно следившей за тем, что происходило по крестьянскому делу, или графине А. Д. Блудовой, которая, впрочем, без особенного труда узнавала все, что хотела, через своего почтенного родителя, который хотя и очень заботился о сохранении государственной тайны, но по своей словоохотливости не мог удержаться от ответов на искусно поставленные вопросы его любимой и заботливой «Антигоны»⁶⁴, да и притом, по своему государственному уму, он умел находить различие между истинно государственною и только канцелярскою тайной.

Первые два заседания Государственного совета, происходившие под председательством графа Блудова (30 января и 1 февраля), были посвящены рассмотрению проекта Общего положения о крестьянах, выходящих из

крепостной зависимости, введение в которое было уже рассмотрено в историческом заседании 28 января.

Затем, по разделу первому о правах крестьян, выходящих из крепостной зависимости, первое разногласие между членами Совета произошло по статье 21, которая в законопроекте изложена была в следующей редакции: «Ст. 21. На крестьян, вышедших из крепостной зависимости, распространяются общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейных. На сем основании для вступления крестьян в брак и распоряжения в их семейственных делах не требуется дозволения помещиков».

Разногласие, происшедшее при обсуждении этой статьи в общем собрании, заключалось в следующем.

16 членов: граф Рибопьер, князь Меншиков, граф Клейнмихель, Кочубей, граф Шувалов, барон Корф 1-й, граф Сумароков, граф Строганов, Литке, князь Долгоруков, Муравьев, Норов, князь Горчаков, Брок, Княжевич и Игнатъев, — приняв во внимание, что помещичьим крестьянам, выходящим из крепостной зависимости, предоставляются по статье 2 Общего положения все права состояния свободных сельских обывателей как личные, так и по имуществу, и что на этом основании распространяются на них общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных, считали излишним упоминать в статье 21 о праве крестьян вступать в брак и распоряжаться в их семейственных делах, не испрашивая дозволения помещиков, так как это право истекает из прав, крестьянам даруемых, и так как из всех сих прав в этой статье упоминается только об одном этом праве. Посему 16 членов полагали в статье 21 исключить вторую ее часть и затем эту статью изложить так: «На крестьян, вышедших из крепостной зависимости, распространяются общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных».

А 28 членов: граф Блудов, великий князь Константин Николаевич, великий князь Николай Николаевич, великий князь Михаил Николаевич, принц Ольденбургский, граф Нессельроде, граф Пален, граф Берг, граф Адлерберг, князь Гагарин, Ланской, Сухозанет, Танеев, Гасфорт, барон Корф 2-й, барон Мейендорф, Мелихов, граф Панин, Прянишников, Бахтин, граф Армфельд, Чевкин, барон Врангель, Анненков, Ковалевский, барон Рокасовский, Тымовский и Сенявин — имея в виду, что разрешение крестьянам вступать в брак и распоряжаться в их семейственных делах без дозволения помещиков есть одно из самых существенных прав, даруемых помещичьим крестьянам при освобождении их из крепостной зависимо-

сти, и что одно изложение в законе того, что крестьянам даруются права свободного сельского состояния и что на них распространяются общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных, будет для крестьян недостаточно понятно, считали необходимым для большей ясности упомянуть в статье 21 о праве крестьян вступать в брак и распорядиться в семейственных делах без дозволения помещиков, а потому и полагали статью 21 проекта оставить без изменения.

Таким образом, предложение 16 членов было отвергнуто и статья 21 осталась в своей прежней редакции.

Затем обратила на себя внимание Государственного совета статья 31, изложенная в проекте в следующей редакции: «Ст. 31. По обнаружении Положения крестьянам оставляется в их владении усадебная их оседлость, впредь до приобретения ими оной в собственность».

Слово «владение» возбудило сильные возражения со стороны многих членов Государственного совета, так как его не было в Высочайших рескриптах, и возникло предложение слово это исключить, вследствие чего была принята Государственным советом единогласно следующая редакция статьи, предложенная бароном М. А. Корфом: «По обнаружении сего Положения крестьянам оставляется их оседлость, впредь до приобретения ими оной в собственность».

По разделу второму, относящемуся до устройства сельских обществ и волостей и общественного их управления, Государственный совет, имея в виду, что Государь император при рассмотрении возникших при обсуждении первых 20 статей настоящего проекта разногласий изволил разрешить: устроив для хозяйственных дел сельские общества, соединять малые общества для удобства администрации и суда в волости, — ограничился затем обсуждением только немногих статей этого отдела.

Первое разногласие, происшедшее при этом обсуждении, было вызвано статьею 43, которая была изложена в законопроекте в следующей редакции: «Ст. 43. Для волости полагается наименьшее число жителей — около 300 ревизских мужского пола душ, а наибольшее — около 2000 душ; наибольшее расстояние отдаленнейших селений волости от средоточия управления оной полагается около 12 верст».

Государственный совет, приняв единогласно, что наименьшее число жителей каждой волости должно быть определено в 300 душ, разделился во мнениях относительно наибольшего числа жителей волости.

22 члена: граф Нессельроде, граф Пален, граф Рибопьер, князь Меншиков, граф Клейнмихель, граф Шувалов, барон Корф 1-й, граф Сумароков,

граф Строганов, Сухозанет, Танеев, барон Мейендорф, князь Долгоруков, Муравьев, Норов, граф Армфельд, князь Горчаков 3-й, Анненков, Княжевич, Игнатьев, барон Рокасовский и Сенявин — признали полезным *высший* размер населения для волости определить не в 2000 душ, как предположено в проекте, а в 4000 душ. Такая мера, по мнению 22 членов, доставит удобство к образованию отдельных волостей из больших имений, число волостей будет меньше, а вместе с тем потребуются и менее расходов на управление, сокращение же издержек составит для сельских обществ предмет величайшей важности. Притом образование волостей в большем размере полезно и в видах охранения интересов крестьян, так как чем более будет состав волости, тем надежнее будут ограждены выгоды принадлежащих к составу оной крестьян от всяких неправильных посторонних притязаний.

Наконец, хотя по проекту, представленному большинством членов Главного комитета, и сказано, что в некоторых случаях (а именно, когда на малом расстоянии сосредоточено население свыше 2000 душ) увеличение размера волости допускается, все же это не может делаться иначе как с разрешения начальника губернии, следовательно, в виде исключения; тогда как, если установить больший размер постоянным правилом, ходатайство о подобных исключениях и сопряженные с ними напрасные переписки будут устранены. Что касается до образования волостей меньшего размера в тех местах, где это признано будет более удобным, то они могут в том самом уменьшенном размере быть учреждаемы беспрепятственно. Посему 22 члена полагали наибольшее число жителей для волости определить до 4000 душ мужского пола.

Остальные 22 члена, с председателем Государственного совета во главе: граф Блудов, великий князь Константин Николаевич, великий князь Николай Николаевич, великий князь Михаил Николаевич, принц Ольденбургский, граф Берг, граф Адлерберг, князь Гагарин, Кочубей, Ланской, Гасфорт, барон Корф 2-й, Мелихов, Литке, граф Панин, Прянишников, Бахтин, Чевкин, барон Врангель, Брок, Ковалевский и Тымовский — не видели надобности изменять предположенный в проекте размер волостей. Образование слишком больших волостей затруднит организацию волостного управления, которое будет состоять из выборных от крестьян и может действовать успешно тогда только, когда круг его занятий не будет слишком расширен. Принимая во внимание, что и по проекту, представленному большинством членов Главного комитета, в тех случаях, когда на малом расстоянии сосредоточено население свыше 2000 душ, допускается увеличение размера во-

лостей с разрешения начальника губернии, 22 члена полагали постановить общим правилом, что наибольшее население для волости назначается около 2000 душ мужского пола, и затем статью 43 оставить без изменения.

Небольшому редакционному изменению подверглась со стороны Государственного совета статья 47, которая относилась до состава сельского схода и в законопроекте была изложена в следующей редакции: «Ст. 47. Не воспрещается домохозяину присылать вместо себя на сход другого крестьянина».

Для большей ясности Государственный совет в общем собрании положил слова сии изложить так: «Не воспрещается домохозяину в случае отлучки, болезни и вообще невозможности лично явиться на сход присылать вместо себя кого-либо из членов своего семейства».

Затем Государственный совет в статье 51 обратил внимание на примечание 2, по коему в тех сельских обществах, где некоторые домохозяева платят оброк, а другие отбывают издельную повинность, предоставляется и тем и другим, независимо от общего сельского схода, собираться отдельно на частных сходах. Государственный совет полагал дополнить примечание пояснением, что такие собрания дозволяются только в свободное от сельских работ время.

Затем по статье 58, в которой исчислялись обязанности сельских старост по делам общественным, Государственный совет обратил внимание на то, что в числе этих обязанностей упомянуто, что староста между прочим обязан: «наблюдать за исправным содержанием дорог, мостов, гатей, перевозов и проч. на землях, отведенных сельскому обществу в надел или приобретенных крестьянами в собственность».

По этому незначительному предмету произошло неожиданно значительное разногласие.

23 члена: граф Нессельроде, граф Пален, граф Рибопьер, князь Меншиков, граф Клейнмихель, Кочубей, граф Шувалов, барон Корф 1-й, граф Сумароков, граф Строганов, Сухозанет, Танеев, Гасфорт, барон Мейендорф, князь Долгоруков, Муравьев, Норов, граф Армфельд, князь Горчаков 3-й, Анненков, Княжевич, Игнатъев и Сенявин, — имея в виду, что сельские обыватели обязаны исправлять мосты, дороги, гати и проч. не только на землях, отведенных им в пользование или приобретенных ими в собственность, но по раскладкам, согласно с правилами о натуральных земских повинностях, и на проезжих дорогах, проходящих иногда чрез земли других ведомств, что поэтому старосты как начальники сельских обществ должны наблюдать за исправным содержанием дорог, мостов, гатей и проч. везде,

где таковое лежит на обязанности сельских обществ, и что в противном случае может последовать прекращение сообщения внутри края, которое столь же важно, как и государственные пути, — признавали необходимым, сообразно сему, для большей ясности и для избежания всяких недоразумений изменить пункт 5 статьи 58, а потому и полагали сказать в этом пункте, что староста наблюдает за исправным содержанием дорог, мостов, гатей, перевозов и проч. на тех землях, где исправное содержание оных составляет обязанность сельских обществ.

А 21 член: граф Блудов, великий князь Константин Николаевич, великий князь Николай Николаевич, великий князь Михаил Николаевич, принц Ольденбургский, граф Берг, граф Адлерберг, князь Гагарин, Ланской, барон М. Корф, Мелихов, Литке, граф Панин, Прянишников, Бахтин, Чевкин, барон Врангель, Брок, Ковалевский, барон Рокасовский и Тымовский — находили, что по закону (Свод Законов. Т. IV. Устав о Земской повинности. Ст. 198) содержание проселочных и полевых дорог возлагается на владельцев, чрез дачи которых дороги сии пролегают. По этому общему закону содержание проселочных дорог на помещичьих землях, отведенных в пользование крестьян, осталось бы и по отмене крепостной их зависимости на обязанности владельцев, т. е. помещиков, если бы в Положении не было оговорено, что означенная обязанность возлагается на крестьян. По 5 пункту статьи 58 крестьяне нисколько не освобождаются от обязанностей по отправлению натуральных земских повинностей, к числу коих относится и повинность дорожная, на основании общих узаконений. Но упоминать о сем в статье 58, по мнению 21 члена, было бы неудобно, так как эта статья касается только обязанностей сельских старост в пределах именно сельских обществ. По сим соображениям 21 член полагали пункт 5 статьи 58 проекта Общего положения оставить без изменения.

Далее Государственный совет обратил внимание на статью 64 о взысканиях, которые предоставляется старосте налагать на виновных крестьян. Находя, что в числе сих взысканий первое место по состоянию и привычкам крестьян должно занимать назначение на общественные работы, Государственный совет признал нужным сообразно сему изменить редакцию этой статьи, а потому полагал оную изложить так: «Сельскому старосте предоставляется право за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подведомственными, подвергать виновных: назначению на общественные работы до двух дней, или денежному в пользу мирских сумм взысканию до одного рубля, или аресту не долее двух дней. Кто считает себя неправиль-

- Шувалов Андрей Павлович* (1816–1876), граф, генерал-майор, петербургский губернский предводитель дворянства (1872–1876); действительный член РГО (с 1847) — *III, 201, 380, 442*
- Шувалов Андрей Петрович* (1802–1873), граф, обер-гофмаршал, член Государственного совета (с 1859) — *III, 201, 207; IV, 191*
- Шувалов Петр Андреевич* (1827–1889), граф, шеф жандармов и начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1866–1874), посол в Лондоне (1874–1879), член Государственного совета (с 1866) — *III, 157, 158, 185, 281, 286–288, 296, 401, 439; IV, 83, 124, 128, 176, 177, 190, 191, 348, 350, 359, 362, 386, 395, 396, 398, 401, 403, 410, 414, 421, 425, 427, 429, 436, 440, 443, 447, 453, 465, 469, 478, 483, 495, 498, 503, 507, 511, 513, 519, 521*
- Шувалов Петр Павлович* (1819–1900), граф, петербургский губернский предводитель дворянства (1854–1863), член-эксперт Редакционных комиссий, председатель и депутат С.-Петербургского губернского комитета; действительный член РГО (с 1847) — *III, 176, 177, 200, 202, 203, 205–208, 210, 212–217, 220, 241, 242, 271, 274, 286, 378, 438, 440, 442; IV, 191–193*
- Шульц Павел Антонович*, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, совещательный член Редакционных комиссий; действительный член РГО (с 1859) — *III, 387, 392*
- Шумахер Александр Данилович* (1820–1898), директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел (1861–1879), сенатор (с 1879); действительный член РГО (с 1864) — *III, 359; IV, 178*
- Шумилов Валентин Александрович*, член Владимирского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян от Вязниковского уезда — *III, 309*
- Щепкин Николай Павлович* (1825–1911), сотрудник канцелярии Редакционных комиссий, Уфимский (1882–1883) и Архангельский (1883) губернатор — *III, 46, 227; IV, 205*
- Щепкин Сергей Павлович* (1824–1898), член Совета министра государственных имуществ, сотрудник канцелярии Редакционных комиссий; член-сотрудник (с 1849) и действительный член РГО (с 1852) — *III, 46; IV, 205*
- Щербатов Владимир Алексеевич* (1826–1888), князь, саратовский губернский предводитель дворянства (1858–1863), член и депутат Саратовского губернского комитета — *III, 362*
- Щербинин Михаил Павлович* (1807–1881), председатель Московского цензурного комитета (1860–1865), сенатор (с 1856), «рекомендованный императору Александру II графом Паниным в качестве его возможно заместителя на случай его болезни»; член-сотрудник РГО (1851), действительный член Кавказского отдела РГО (с 1851) — *IV, 183, 184*
- Юшков Константин Александрович* (1831–1905), член Вятского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян от Малмыжского уезда — *III, 318; IV, 183, 184*
- Языков Михаил Александрович* (1811–1885), предприниматель, директор Императорского стеклянного завода — *III, 36*
- Ярошинский Октавиан Францевич*, киевский губернский предводитель дворянства (1857–1860) и член Редакционных комиссий от Юго-Западного края — *III, 379, 387–389, 391, 396, 399; IV, 25, 35, 37, 155*

Оглавление

Глава I

Неблагоприятное впечатление, произведенное назначением графа Панина на столичную интеллигенцию, и в особенности на всех сторонников освобождения крестьян. — Посещение мною великой княгини Елены Павловны для необходимых по этому поводу объяснений и благотворное ее влияние на членов Редакционных комиссий. — Первое мое свидание с графом Паниным и объяснение с ним. — Посещение мною великого князя Константина Николаевича и его взгляд на положение дела.....5

Глава II

Вступление графа Панина в исправление своих обязанностей. Прием им депутатов. Первое заседание Редакционных комиссий и ознакомление его со своими сочленами. — Перемена, замеченная ими в графе Панине. — Положение работ Комиссий при вступлении графа Панина в председательствование ими. — Отношение графа Панина к стоявшему на очереди в заседании 24 февраля докладу о высших и низших размерах надела. Объяснения графу, что такое первая десятина в крестьянском наделе. — Доклад о дворовых людях..... 17

Глава III

Рассмотрение в общих собраниях Редакционных комиссий 8 и 9 апреля доклада хозяйственного отделения «Об особых о крестьянском поземельном наделе и повинностях правилах в малороссийских губерниях». Происшедшее по этому докладу разногласие между председателем и большинством Комиссий, не принявшим его предложения об исключении из доклада в выражении «бессрочное пользование» — слова «бессрочное». — Последствия этого разногласия. Письмо депутатов графу Панину от 12 апреля, в котором они просили его повергнуть на Высочайшее воззрение Государя их «заключительное мнение», подписанное 39 депутатами. — Всеподданнейшая записка графа Панина с объяснением причин его разногласия с Редакционными комиссиями и резолюция Государя по этому делу..... 36

Глава IV

Совещания Редакционных комиссий с депутатами польских дворянств Западного края. — Приглашение графом Паниным на заседания Комиссий 27 и 28 апреля трех депутатов от трех юго-западных губерний (Киевской, Подольской и Волынской). Их возражения и объяснения членов Редакционных комиссий. — Приглашение графом Паниным на заседание 30 апреля депутатов литовских и белорусских губерний (Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской). Совещание с ними членов Редакционных комиссий. — В чем состояло коренное различие в задачах, поставленных себе, с одной стороны, законодательными учреждениями и правительством, а с другой — польским дворянством Западного края..... 56

Глава V

Совещания Редакционных комиссий с депутатами Донской области и губерний Самарской и Оренбургской 71

Глава VI

Совещания Редакционных комиссий с депутатами губерний Пензенской, Херсонской и Курской 86

Глава VII

Совещание Редакционных комиссий с депутатами губерний Орловской, Калужской, Вологодской и Олонецкой. — Обед, данный губернским предводителем херсонского дворянства Касиновым депутатам и членам Редакционных комиссий. Инцидент, на нем происшедший..... 99

Глава VIII

Работы Редакционных комиссий с половины мая до половины июля 1860 г. и заключительный характер, ими принятый. Перенесение центра тяжести этих работ на Аптекарский остров и формирование кодификационного отделения Комиссий. Пополнение финансового отделения Комиссий приглашением статс-секретаря М. Х. Рейтерна в члены-эксперты Комиссий. Наши ночные собрания у Н. А. Милютина. Полезное влияние на ход дела «руководящих» его собраний. Обсуждение в хозяйственном отделении вопроса о рекрутской повинности, разрешенного впоследствии Великою реформой императора Александра II в 1874 г. 112

Глава IX

Обсуждение вопросов о мировых посредниках и об уездных и губернских мировых учреждениях в комиссии Министерства внутренних дел и в Редакционных комиссиях. Состав министерской комиссии и характеристика ее членов. Прохождение вопроса о мировых посредниках через Редакционные комиссии 124

Глава X

Рассмотрение Редакционными комиссиями доклада «О порядке введения в действие нового крестьянского Положения». — Доклады отделений по отзывам депутатов: хозяйственного — об усадьбах, административного — об устройстве крестьянского самоуправления, юридического — о правах, предоставляемых крестьянам, выходящим из крепостной зависимости. — Вопрос о досрочном погашении выкупных платежей и об обращении выкупленных земельных участков в личную собственность отдельных крестьян 137

Глава XI

Разрешение руководящим собранием Н. А. Милютина вопроса о том, какие уступки могут быть сделаны единодушным желанием депутатов. Вопрос о снятии с помещиков лежащих на них сервитутов. Возвышение цифры высшего 8-рублевого с крестьян оброка до 9 рублей. Понижение в некоторых уездах предположенных высших размеров наделов; вопрос о переоброчке. — Доклад хозяйственного отделения по отзывам членов губернских комитетов об особых правилах для юго-западных губерний. — Доклады хозяйственного отделения о наделах и повинностях 152

Глава XII

Осенние (1860 г.) работы Редакционных комиссий. — Резкий конфликт графа Панина с Н. А. Милютиным, князем Черкасским и другими членами большинства Комиссий в заседании 10 сентября. — Окончательное рассмотрение доклада отделений о дворовых людях. — Заботы Н. А. Милютина о предварительной разработке в «особой комиссии» вопросов, не вошедших в состав нашего законопроекта, но бывших в тесной связи с делом освобождения крестьян 167

Глава XIII

Стремление Государя и графа Панина к скорейшему окончанию работ Комиссий. — Моя записка о положении этих работ в половине сентября. — Личный доклад графа Панина Государю и его ходатайство о заместителе. — Некоторая медлительность Милютина и ее причины. — Представление графа Панина Государю о дальнейшем ходе крестьянского дела, сделанное им по соглашению с председателем Государственного совета 179

Глава XIV

Надежды противников земельного освобождения крестьян на представление о дальнейшем ходе крестьянского дела графа Панина и князя Орлова. — Резолюция Государя о назначении председателем Главного комитета великого князя Константина Николаевича, спасшая в критическую минуту законопроект Редакционных комиссий от крушения. — Высочайшее повеление о сроке окончания всех работ Комиссий и обсуждение в Редакционных комиссиях порядка его исполнения 190

Глава XV

Окончание дополнительных и вообще всех работ Комиссий. Последнее заседание 10 октября и закрытие Комиссий 207

Глава XVI

Передача мною всех дел Редакционных комиссий в Государственную канцелярию и внесение государственным секретарем Бутковым нашего законопроекта на рассмотрение Главного комитета. — Состав Главного комитета, характеристика его членов и группировка их при обсуждении законопроекта 222

Глава XVII

Рассмотрение в Главном комитете законопроекта об учреждении мировых посредников, составленного комиссией Министерства внутренних дел и окончательно разработанного и кодифицированного Редакционными комиссиями. Мнение по этому предмету князя П. П. Гагарина, не нашедшее себе сочувствия и поддержки в Главном комитете. — Рассмотрение законопроекта Редакционных комиссий об устройстве крестьянского сельского и волостного правления. Контрпроект М. Н. Муравьева по этому вопросу, поддержанный меньшинством 3 членов Комитета (Муравьевым, графом Адлербергом и князем Долгоруковым) и отвергнутый большинством его 234

Глава XVIII

Рассмотрение в Главном комитете местного великороссийского положения и в особенности частей его, относившихся до устройства аграрных отношений между крестьянами и их помещиками. Разногласие по этому предмету между членами Главного комитета. — Старания великого князя сгруппировать около себя большинство членов и привлечь на свою сторону графа Панина. — Совещание с графом Паниным в Мраморном дворце 12 октября, увенчавшееся успехом. — Извлечение из журнала Главного комитета, разъясняющее подробности происшедшего разногласия 252

Глава XIX

Рассмотрение Главным комитетом законопроектов местных положений: малороссийского, юго-западного и литовского. Разногласия, по ним происшедшие. Роль большинства 6 членов Комитета, сгруппировавшегося около великого князя в этом разногласии 272

Глава XX

Рассмотрение Главным комитетом местных положений, относившихся до Северо-Западного края, и разногласия, по ним происшедшие 291

Глава XXI

Разногласия, происшедшие в Главном комитете по вопросам: о периодической переоценке крестьянских повинностей, об устройстве дворовых людей, об устройстве заводских крестьян, о работниках при соляных промыслах, о крестьянах, отбывающих обязательные работы на помещичьих фабриках. Отношение к этим вопросам большинства Главного комитета, сохранившего законопроект Редакционных комиссий без изменений 306

Глава XXII

Члены финансового комитета Редакционных комиссий, принявшие участие в соединенном с Главным комитетом заседании для рассмотрения и утверждения законопроекта о выкупе. — Обсуждение вопроса о выкупе 320

Глава XXIII

Окончание работ Главного комитета до 20 января 1861 г. и внесение законопроекта в общее собрание Государственного совета. — Состав общего собрания. Первое заседание собрания под председательством Государя императора 25 января 1861 г. Речь императора Александра II. Рассуждения членов Государственного совета и происшедшие между ними разногласия 339

Глава XXIV

Остальные разногласия, происшедшие в заседании Государственного совета 28 января 1861 г. по Общему положению. Характеристика отношения к законопроекту членов Государственного совета, еще не принимавших участия в работах по крестьянскому делу. Постоянные сторонники законопроекта и более или менее постоянные его противники 357

Глава XXV

Характеристика членов Государственного совета, участвовавших в рассмотрении законопроекта об освобождении крестьян и еще не упомянутых в предыдущей главе 375

Глава XXVI

Дальнейший ход крестьянского дела в Государственном совете после исторического заседания 28 января 1861 г. Положение, занятое при обсуждении законопроекта в 11 заседаниях (от 28 января по 17 февраля) председателями: Государственного совета — графом Д. Н. Блудовым, Главного комитета — великим князем Константином Николаевичем и бывшим председателем Редакционных комиссий графом В. Н. Паниным. Разногласия, происшедшие в заседаниях 30 января и 1 февраля при рассмотрении 20 статей Общего положения 392

Глава XXVII

Заседание Государственного совета 2 февраля 1861 г. Разногласия, происшедшие в этом заседании при обсуждении некоторых статей законопроекта 413

Глава XXVIII

Рассмотрение в общих собраниях Государственного совета 3, 4 и 7 февраля 1861 г. законопроекта об устройстве крестьян, водворенных на землях поместий великороссийских, новороссийских и белорусских губерний. Разногласия, происшедшие в Государственном совете при этом рассмотрении, и разрешение их императором Александром II 434

Глава XXIX

Рассмотрение в заседаниях общего собрания Государственного совета 6, 7 и 8 февраля 1861 г. проектов местных положений для крестьян юго-западных, малороссийских и северо-западных губерний. Разногласия, происшедшие при обсуждении этих проектов 468

Глава XXX

Окончание в четырех последних общих собраниях Государственного совета рассмотрения всех законопроектов, долженствовавших составить Закон 19 февраля 1861 г. 502

Глава XXXI

Окончание рассмотрения общим собранием Государственного совета законопроекта об освобождении крестьян. — Неуставные работы государственной канцелярии в течение декабря 1861 г., января и февраля 1861 г. по составлению журналов Главного комитета и Государственного совета и по окончательной редакции всего законопроекта. — Представление председателем Государственного совета графом Блудовым всего законопроекта на утверждение императора Александра II в назначенный для того день, 19 февраля 1861 г. Утверждение Государем в этот день всего законопроекта, кроме приложенного к нему проекта Высочайшего манифеста, составленного Ю. Ф. Самариним, который Государю угодно было отправить на благословение и исправление к Московскому митрополиту Филарету, от которого окончательный проект Манифеста был получен через три дня. — Рассылка утвержденного закона 19 февраля 1861 г. и Высочайшего манифеста по всем губерниям Российской империи после их напечатания. — Обнародование закона об освобождении крестьян и Высочайшего манифеста 5 марта 1861 г. 532

Комментарии 541

Именной указатель 550

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ**Вклейка 1**

илл. 1, 11: Научный архив РГО;
илл. 2: Русские деятели в портретах... 4 собрание. СПб, 1890;
илл. 3–7, 8-нижняя, 9–10: Портретная галерея русских деятелей. Т. 1–2. СПб., 1864–1865;
илл. 8-верхняя: Главные деятели освобождения крестьян. 50-летний юбилей. СПб., 1911;
илл. 12–16: Из собрания Ю. А. Щеголевой.

Вклейка 2

илл. 1: Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 1–6. М., 1911;
илл. 2–3: Из собрания А. К. Мордовина-Залесского;
илл. 4–7: Научный архив РГО. Разряд 42. Оп. 1. № 48. Л. 1–7;
илл. 8–9: Там же. № 53. Л. 1–4;
илл. 10: Там же. Разряд 116. Оп. 1. № 24. Л. 11–12;
илл. 11–14: Там же. Разряд 112. Оп. 1. № 441;
илл. 15–16: Там же. Разряд 112. Оп. 1. № 965.